

ВОЗВРАЩАЯСЬ К «ДЕШИФРОВКЕ»
УРУТСКОЙ ЭПИТАФИИ

Доктор ист. наук А. Д. ПАПАЗЯН

В статье «Новые эпиграфические данные о последних отпрысках армянской феодальной знати в Сюнике» («Историко-филологический журнал», 1983, № 4) мы рассмотрели две арабоязычные эпитафии XV в. из села Урут Сиснанского района АрмССР, изданные азербайджанским эпиграфистом М. Нейматовой¹.

Исходя из общеизвестных принципов и многовековых традиционных методов мусульманской эпиграфии, а также на основе данных рукописных и документальных источников, мы показали, что лишенное научной основы «чтение» М. Нейматовой является продуктом антиисторической «концепции», выдвинутой некоторыми азербайджанскими историками. Своей статьей, опубликованной в ответ на нашу критику², М. Нейматова окончательно подтвердила высказанное нами мнение. Искажая данные армянских источников о «стране Алуанк» (в позднем грабаре и среднеармянском—«Агванк») или «Восточном крае», она «доказывает», что Сюник якобы являлся частью Алвани, был населен алванами, к XV веку уже принявшими ислам и ставшими тюркоязычными. «Поэтому,—пишет М. Нейматова,—наличие слова «агван» в урудских эпитафиях XV—XVI вв. совершенно естественно»³. Воодушевленная этой «находкой» она пытается также дать источниковедческую оценку своего «открытия». «О григорианизации—арменизации и грузинизации албанских племен писали много,—пишет М. Нейматова,—а о тюркнизации их имеются косвенные данные, археологические и другие материалы. Урудские памятники являются единственным письменным, а также подлинным материальным доказательством, указывающим на длительный процесс тюркизации и исламизации албанских племен и на их роль в формировании азербайджанского народа (да и грузинского и армянского народов)»⁴.

Выходит, что если бы М. Нейматовой не удалось «обнаружить» слова «агван» в урудских эпитафиях, то невозможно было бы проследить процесс формирования не только азербайджанского, но, что еще более странно, грузинского и армянского народов.

Любое историческое исследование, каких бы деталей оно ни касалось, может быть полезным в том лишь случае, когда исследователь знает материал, вооружен знанием соответствующих языков, обладает необходимой подготовкой во вспомогательных дисциплинах и, что важнее всего, делая выводы, исследователь должен постоянно думать о том, какие аргументы могут быть выставлены против выдвинутого им положения.

¹ М. С. Нейматова. Мемориальные памятники Азербайджана (XII—XIX вв.). Баку, 1981.

² М. С. Нейматова. Еще раз об урудских памятниках Зангезура.—Известия АН АзССР, серия истории, философии и права, 1985, № 4, с. 87—94.

³ Там же, с. 88.

⁴ Там же, с. 92.

Предоставляя специалистам-алвановедам критику общих исторических вопросов, мы снова обратимся к ее «прочтению» упомянутых эпитафий, с тем, чтобы еще раз убедиться в том, что имеем дело с «дешифровкой», полностью лишенной научной основы и изобилующей погрешностями против элементарных принципов восточной текстологии, палеографии и эпиграфики.

Рис. 1.

Хотя эпитафия № 53 содержит ряд погрешностей как орфографического характера, так и в графическом исполнении, своей формой и содержанием она, тем не менее, ничем не отличается от подобных надписей и составлена в соответствии с традициями мусульманских эпитафий. В начале упомянуты имена бога, пророка, и, согласно шиитской традиции, имя ближайшего сподвижника и непосредственного преемника пророка—Али (الله محمد علي), затем, как обычно в подобных эпитафиях, следует имя захороненного. В конце надписи помещена дата, которая обычно и завершает эпитафию (рис. 1).

Согласно мнению М. Нейматовой, в рассматриваемой эпитафии после формулы الله محمد علي следует некое имя امر رسل (Амрусал). После того, как мы отметили, что такого имени не существует, М. Нейматова не только просто снова объявила это никому не известное имя существующим в азербайджанском языке, но даже попыталась этимологизировать его, производя его от известного имени Мурсал (امر رسل), якобы с прибавлением «а» (алифа) по каким-то фонетическим закономерностям какого-то «местного диалекта». В качестве доказательства своей

«лингвистической» аргументации она приводит следующие примеры: Рамазан—Ирамазан, Фируддин—Афируддин⁵.

Однако, в надписи, согласно прочтению самой же М. Нейматовой, написано не مړوسال и مړوسال (Мрусал), что никак нельзя идентифицировать с именем Мурсал. Следует отметить еще, что протетический гласный в некоторых азербайджанских диалектах появляется отнюдь не перед всеми согласными, но только перед начальным «р» (например, в именах Раджаб, Рахим, Риза и т. п.). Во всяком случае мы не имеем ни одного примера появления этого гласного в словах с начальным согласным «м». Об этом же свидетельствуют и примеры, приведенные самой М. Нейматовой. Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что совершенно недопустимо приписывание фонетических явлений современного азербайджанского языка языку алван XV века, только недавно принявших ислам и тюркизированные.

Как видим, усилия М. Нейматовой создать новое имя Амрусал тщетны. В нашей предыдущей статье мы показали, что в рассматриваемом имени за начальным алифом следует сочетание букв не ممر دمر , что дает полное основание для прочтения مير . Такое прочтение подтверждают не только следы двух точек под этой группой букв, но и свидетельства современных этим надгробиям памятных записей рукописей, в которых встречается имя Амир Васак. Итак, наиболее вероятным следует считать прочтение امير وسك имя, которое издревле и вплоть до XV в. носили представители всех поколений древнего сюникского княжеского рода, владевшие крепостью Воротн⁶.

Отсутствие верхней черты над буквой «каф» не может служить аргументом против чтения имени وسك , так как в конце слова (в отличие от положения в начале и в середине) эта буква пишется без верхней черты. Итак, если существует имя, написание которого соответствует орфографии эпитафии, к тому же оно упоминается в источниках соответствующего времени, то к чему упражняться в фабрикации несуществующих имен? Только лишь с целью утверждать обратное?

⁵ Там же, с. 93; пример с именем Фируддин, на наш взгляд, совершенно неудачен. Какое имя имеет в виду М. Нейматова—непонятно. Если это—Фирудин (от Фаридун, Фридун), то гласный «а» в начале слова—не явление «местного диалекта» (непонятно, какой именно диалект и какого именно языка имеет в виду автор), а возник еще на почве арабского языка и является примером хорошо известной фонетической закономерности арабского языка, а именно, устранения двухслогового начала при помощи *alef protheticum*. Ср. греч. Πλάτων—арабск. أفلاطون, греч. ἄλιμα—арабск. أفليم, арм. Хлат—арабск. أحلاط и пр. См.: С. Вроскейтманн, *Arabische Grammatik*, Leipzig, 1969, S. 13; Н. В. Юшманов, *Грамматика литературного арабского языка*, М., 1985, с. 36. Если же имеется в виду какое-то арабское имя типа Фахр уд-дин, то такого арабского имени нет и быть не может. См.: *Onomasticon arabicum, ossia repertorio alfabetico, compilato per cura di Leone Caetani e Giuseppe Gabrieli*, v. I, Roma, 1915.

⁶ А. Д. Папазян. Новые эпиграфические данные о последних отпрысках армянской феодальной знати в Сюнике—Историко-филологический журнал. Ереван, 1983, № 4, с. 122.

Подобно тому как имени покойного сопутствует название его должности (амир), имя отца его также упоминается вместе с названием должности—кетхуды. Правда, слово это написано с орфографической ошибкой *کتخودا*. с лишним *و* (написание этого слова с «т» вместо «д»—к этому времени уже давно утвердившийся орфографический вариант). В первом варианте своей «дешифровки» М. Нейматова приня-

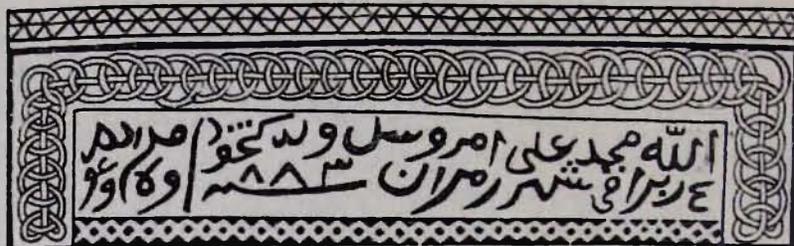

Рис. 2.

ла первое слово второй строки за имя отца захороненного, однако, не сумев подогнать его к какому-либо имени, ограничилась только прочтением *کتخودا*. Между тем, очевидно, что вся вторая строка надписи заполнена датой, которая, по нашему убеждению, начинается словом *تحریر* (составлено) как это принято во многих подобных надписях (см. ниже). Что касается имени отца покойного, то оно занимает всю левую часть эпитафии и является непосредственным продолжением первой строки, что указывает на особое уважение к данной личности.

Ознакомившись с нашей поправкой и не желая отказываться от своего «открытия», М. Нейматова, как ей кажется, решила вопрос по-новому и в своей последней статье, прибегнув к таким же лженаучным ухищрениям, как и в случае с вышеупомянутым именем Амрусал, предложила читать первое слово второй строки как Ших-Риза⁷.

Рассмотрим подробно две буквы первого слова второй строки. Возможно ли прочтение их как «ших», либо «шейх»? Небольшую косую черточку, что справа соединяется с буквой «ха» никак нельзя читать как «шин», так как в нашей надписи в словах *دکتور* в первой строке и *شهر* во второй строке ясно видно, что резчик одинаково вырезал буквы «син» и «шин» крупными, длинными и непременно—с зубчиками. Это обстоятельство было замечено автором прорисовки (рис. 2). Кроме того, здесь отсутствуют буква «йа» и точка над «ха». Таким образом, предложенного М. Нейматовой слова *شیخ* здесь прочесть невозможно. Невозможно также читать следующее сочетание *رِزَا*, как Риза, так как это имя пишется через «дад» и без «йа». К тому же над второй буквой «ра», которую М. Нейматова читает как «за», нет точки. Мож-

⁷ М. С. Нейматова. Еще раз об урудских памятниках Зангезура, с. 93. Неясно, однако, рассматривается ли здесь Ших-Риза как одно имя. Если же нет, то был ли этот предполагаемый Риза шейхом или кетхудой, или же и тем и другим одновременно?

но ли допустить, чтобы составитель эпитафии, который несомненно был мусульманином-шиитом, не знал орфографии имени столь почитаемого после Али и Хусейна восьмого имама Ризы, чья могила в Мешхеде—одна из величайших святынь шиитов?⁸ Орфографическая ошибка в названии месяца рамазан—недостаточное основание для того, чтобы допускать, что с такими же ошибками могут быть написаны имена святых. По такой логике можно допустить возможность написания слова *الله* как *آلاه*, *محمد*—через *ه*, либо, по нынешнему азербайджанскому произношению—*على محمد*—через алиф (*الى*) и т. п. Но ведь это совершенно невозможно!

Судя по азербайджанской (а отнюдь не арабской) форме имени Ших-Риза, М. Нейматова и на этот раз исходит из современного азербайджанского диалектного произношения (что, как уже говорилось, созершено не правомерно). Однако она забывает, что именно в этом случае и должен был появиться тот самый протетический «а», который она пытается пристроить к началу выдуманного ею имени захороненного.

На ретушированном фотоснимке, изданном М. Нейматовой, сочетание двух букв первого слова второй строки надписи больше похоже на одну букву «'айн». Основываясь на имеющейся у нас фотографии, на которой видны две точки над этой группой букв, а также учитывая наличие следующего за нею сочетания *ريرا*, мы считаем возможным прочтение этих двух букв как *تح*. Таким образом складывается слово *تحربير*, часто сопутствующее дате.

Предложенное нами чтение *تحربير* обусловлено еще и тем, что за этим словом следует (с одной орфографической ошибкой) полная дата: *في رمضان شهر سنة ٨٨٦*. «в месяце рамазан 886 года», чем и завершается единственно разумное чтение этого текста. Здесь несколько необычно то, что буква «ха» не соединена со следующей за нею буквой «ра», однако, хотя подобные примеры не встречаются в эпитафиях, в туграх и на печатях, практика полного написания букв *ح* ' *ع* ' *خ* ' *ح* в соединениях с другими буквами довольно распространена⁹. Во всяком случае обычное применение этой формулы на других надписях¹⁰ предполагает наличие ее и здесь.

Обратимся теперь к чтению текста левой части эпитафии, который, по нашему убеждению, является продолжением первой строки и содержит имя отца захороненного Амир Васака. М. Нейматова, как уже говорилось, считает, что отчество захороненного помещено перед

⁸ Однако, как справедливо заметил О. Г. Большаков, уровень познаний М. Нейматовой в истории ислама явствует из того факта, что на с. 9 ее книги черным по белому написано: «Монголы вторглись в Азербайджан под лозунгом джихада». —Эпиграфика Востока, XXIII, Л., 1985, с. 107.

⁹ M. Guboglu. Paleografia și diplomatica turco-osmana. București, 1958, p. 48—49.

¹⁰ М. С. Нейматова. Еще раз об урудских памятниках Зангезура, с. 91.

датой, т. е. выражено в сочетании *تحريرا*, которое она читает как *تحريرا* и продолжает настаивать, что левую часть эпитафии следует читать *من اولاد اوغوا*, предлагая перевод: «Из рода агван»¹¹.

В нашей статье мы уже отмечали, что слово *اولاد* нельзя переводить как «род» и что означает оно «сыновья», в лучшем случае «потомки». Для обозначения же понятия «род» в арабском языке существуют слова *آل* и *بنی*¹². Но в любом случае хочется спросить М. Нейматову, видела ли она хоть одно надгробие, на котором кроме имени захороненного и его отца упоминалась бы еще и его этническая принадлежность?

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению этой части эпитафии, считаем необходимым коснуться одного обстоятельства. Дело в том, что буква *q* в древнеармянском языке обозначала фонему «л», что отразилось в многочисленных именах, в особенности этнонимах и топонимах, в частности—в передаче арабской графикой. Из множества примеров приведем лишь некоторые: известный по армянской историографии топоним Хаг-хаг передается в арабских и персидских текстах как *خلخال* (Халхал), так же он называется и ныне¹³, Капагак передавался как *قبلة* (кабала¹⁴), Багасакан—*بلاسجان* (Баласаджан¹⁵), Егегис—*الکيس* (Елегис¹⁶), Агбак—*الباق* (Албак¹⁷), Джуга—*جولاه* (Джула¹⁸), Ангелакот—*انگلكوت* (Ангелакот¹⁹), Когб—*قلب* (Колб²⁰) и т. п. Этноним агуан, как известно—армянская передача названия племени, где армянское «а» передает греческое «л» (ср. греческое

¹¹ Там же, с. 89. Ср. Мемориальные памятники..., с. 21.

¹² А. Д. Папазян. Новые данные..., с. 122.

¹³ حمدالله قزوینی، نزهة القلوب، تهران، ۱۳۳۶، ص ۸۵، ۹۲-۹۳

¹⁴ Там же, с. 106.

¹⁵ *باتوت الحموی، معجم البلدان، Jacuts geographisches Wörterbuch, Leipzig, 1924, S. 157, 171.*

¹⁶ А. Д. Папазян. Новые источники по истории курдского народа.—«Вестник Матенадарана», № 8. Ереван, 1967, с. 243; Ср.: Матенадаран, Восточный фонд, рук. № 622, л. 726, 776.

¹⁷ اسکندر بیک ترکمان منشی، تاریخ عالم آرای عباسی، تهران، ۱۳۳۴، جلد ۲، ص ۶۷۹، ۶۸۵، ۶۹۵، ۷۰۴، ۷۰۶، عبد الرزاق دنبلی، مآثر سلطرنیه، تهران، ۱۳۵۱، ص ۳۵۸، ۳۶۰.

¹⁸ Там же, с. 643, 668, 669.

¹⁹ А. Д. Папазян. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. Ереван, 1972, с. 107. Ср. Ои же. Персидские документы Матенадарана, Купчие, вып. I, Ереван, 1968, док. 7, 14, с. 440, 466.

²⁰ А. Д. Папазян. Османские архивные документы Народной библиотеки Кирилла и Мефодия в Софии—Историко-филологический журнал, 1984, № 3, с. 208—209.

'Alḥayūi). Стало быть и по-арабски оно должно было бы передаваться и писаться через «а» — الوان (البان). И так, неужели М. Нейматова полагает, что исламизированные и тюркизированные алваны писали собственное этническое название (если допустить, что они называли себя так) в такой форме, в какой оно существует *только* в армянском языке?

Однако обратимся снова к нашему тексту. В левой части надписи после слова كَنخود на первой строке и سنه ٨٨٦ — на второй вырезана черта, занимающая первую и вторую строки. Как верно заметила и М. Нейматова, это не разделительная черта, а два алифа, расположенных вертикально друг над другом, из которых верхний является последней буквой слова كَنخودا, а нижний, по нашему мнению — начальная буква имени отца захороненного اولانم (Авлакум²¹). По мнению же М. Нейматовой, это — первая буква слова اولاد. И так, если левая часть надписи начинается этим нижним алифом, то на каком основании следующее за группой ولا сочетание, более похожее на فم, не только прочтено как من, но переставлено и, по воле М. Нейматовой, помещено впереди сочетания ولا? Все это сделано с целью во что бы то ни стало получить желаемое (хотя и бессмысленное) من اولاد. На самом деле эти две буквы читать как من невозможно. Первая буква более похожа на «каф», чем на начальный «мим». В надписи имеется три случая употребления начального «мима» и они определенно отличаются от того, который видит в предлагаемом ею من М. Нейматова, которой без предлога «из» никак не обойтись. Эта разница была замечена автором прорисовки (рис. 2).

Перестановка сочетания فم с целью объявления его предлогом من была необходима М. Нейматовой еще и для того, чтобы использовать нижнюю часть буквы «мим» в качестве первой буквы (алифа) вожделенного слова اولانم. Однако за этим воображаемым алифом следует буква «вав», которую можно прочесть либо как «у», либо — при наличии предшествующего «алифа» — как «ав». Следом идет сочетание عو, которое вероятнее всего нужно читать как عو. Таким образом получается некое сочетание «угв» либо «авгв», которое М. Нейматова не раздумывая читает как اولانم — «угван» и, что еще более неожиданно, переводит как «агван», при том, что никакими усилиями невозможно обнаружить алифа, который якобы следует за сочетанием عو, а буква «нун», составляющая необходимый компонент

²¹ Об этом имени, хорошо известном из фамильного ономастикона армянских княжеских домов Сюника, см.: А. Д. Папаян. Новые данные..., с. 122.

слова «агван», просто отсутствует как в этой надписи, так и (в чтении самой же М. Нейматовой) на эпитафии № 66.

Примечательно однако, что подогнав по «алифу» к началу и к концу сочетания وغو и получив таким образом бессмысленное اغوا , выдаваемое за искомое «агван», наш уважаемый эпиграфист нежелала заметить, что над группой وغو вырезаны еще другие буквы. Эти буквы представляют собой окончание لو слова وغودلو (Вагудлу²²), выполненного несколько сжато и втиснутого в левый угол надписи (рис. 1).

Ясно, что отсутствие в эпитафии этнонима «агван» делает ненужным также бессмысленное «чтение» и предшествующего ему اولاد . Однако М. Нейматова в подтверждение своей версии ссылается на эпитафию, вырезанную на боковой стороне надгробия № 66 (надгробный камень в форме барана), в начале второй строки которой имеется сочетание اول . Следующую за этим сочетанием букву М. Нейматова читает как «дал» и, состряпав таким образом слово اولاد , отождествляет этот отрывок текста эпитафии № 66 со своим чтением фрагмента левой части эпитафии № 53. Мы также считаем, что на обоих надгробиях написано одно и то же слово, именно—одно и то же имя Авлакум. Заметим, что огромная мадда над алифом в надгробии № 66 полностью исключает возможность чтения этого сочетания букв как اولاد . С другой стороны, как нами было отмечено и в предыдущей статье, после слов الله محمد على в первой строке надписи, либо после какой-либо другой формулы религиозного значения всегда следует имя захороненного. Это видно из эпитафий, изданных самой М. Нейматовой²³. В этом случае также на этом месте нужно искать лишь имя собственное и ничего более.

В своей книге М. Нейматова опубликовала также надпись верхней части надгробия № 66, не прочитав, однако, ее до конца и не приложив фотографии. В последней своей статье она вновь ссылается на эту надпись и снова без публикации фотоснимка, ограничиваясь лишь прорисовкой, осуществленной на основе ее «чтения». На примере надгробия № 53 мы уже видели, как, придумав предлог من и переместив его с конца группы اول в начало ее, М. Нейматова решила, что получило желаемое сочетание من اولاد , которое она перевела: «из рода». В своей книге она, не задумываясь, переселила этот выдуманный ею предлог из эпитафии № 53 в начало первой строки эпитафии № 66, так как этого предлога ей не хватало и там. В своей последней статье М. Нейматова отказалась от своего прежнего «чтения» и непосредственно

²² От топонима Вагуди, где в XV в. обосновались последние отпрыски исламизированной армянской княжеской семьи. См.: А. Д. Папазян. Новые данные..., с. 120—121.

²³ М. С. Нейматова. Мемориальные памятники..., № 55, 56, 57, 69, 87, 88, 89, 90, 91 и др.

после расшифрованного ею стрывка *افتخار ولد اميرم سنه ٩٨٦* выписанного на спине барана, поместила текст *الله محمد علي اولاد اغوا*, отбросив мадду на алифе в начале первой строки.

Как уже говорилось, фотография надгробия не опубликована, памятника на месте нет, следовательно трудно проверить, в какой степени соответствует оригиналу чтение М. Нейматовой и опубликованная ею зарисовка. Однако, судя по публикациям комплекса урутских надгробий, осуществленным как М. Нейматовой, так и А. Хачатряном²⁴, дата надписи на спине барана прочтена М. Нейматовой верно, т. е. 986 (1578—79 гг.). Значит надгробие № 66 установлено спустя почти сто лет после установления памятника № 53. Однако мало вероятно, чтобы надпись на боковой стороне памятника относилась к тому же времени. Соотношением букв и способом резьбы слова *الله*

محمد علي в первой строке боковой надписи чрезвычайно сходны с тем, как они выписаны на надгробии № 53. Очевидно, что это—работа того же времени и, может быть, того же мастера. Не исключено, что старый камень был заново использован по прошествии ста лет после установления впервые, и на свободном пространстве спины барана была выполнена новая надпись. Правда, это предположение, исходящее из манеры письма и внешних данных надписей, не может считаться окончательным при отсутствии фотоснимков надписи и самого памятника. Ясно одно, что и здесь слово, следующее после формулы *الله محمد علي*, может быть только именем собственным, что мадда над первым алифом исключает чтение этого слова как *اولاد*, которое, в свою очередь, не может быть переведено как «род». И наконец, если бы даже за этим словом действительно следовали буквы *اوغوا*, то из них можно было бы сложить только бессмысленное сочетание *اغوا* (угва, либо авгва), которое не имеет ничего общего со словом «агван».

Таким образом, очевидно, что в этой надписи невозможно видеть ничего, что могло бы служить «единственным письменным и подлинным доказательством» утверждения, что Сюник якобы был населен алванскими племенами. Таковых доказательств быть и не могло, так как это утверждение не соответствует исторической действительности. Поиски же данных, противоречащих исторической действительности, обречены на провал.

Понятно, конечно, что М. Нейматовой и ее единомышленникам трудно отказаться от их «открытия», но наука в первую очередь требует правдивости.

²⁴ М. С. Нейматова. Еще раз об урудских памятниках Зангезура, с. 89—90; Ср. А. Хачатрян. К расшифровке и интерпретации некоторых арабских надписей Армении (XV—XVI вв.).—Вестник общест. наук АН АрмССР, Ереван, 1984, № 12, с. 60—62.

ԱՆԴՐԱԴԱՌՆԱԼՈՎ ՈՒՌՈՒԹԻ ՏԱՊԱՆԱԳՐԻ «ՎԵՐԾԱՆՈՒԹՅԱՆԸ»

Պատմ. ցիտ. դեկտոբ 2. Դ. ՓԱՓԱՋՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո Վ

«Պատմա-բանասիրական հանդեսի» 1983 թ. № 4-ում հրատարակված «Վիճաբանական նոր տվյալներ Այուենյաց աշխարհի հայ ֆեոդալականության վերջին մնացորդների մասին» հոդվածում մասնագիտական ուսումնասիրության ենթարկելով ճանաչված վիճաբան Մ. Նեյմաթյանի կողմից հրատարակված՝ ՀՍՍՀ Սիսիանի շրջանի Ուռույլ գյուղում գտնվող XV դարի երկու արաբերեն տապանազրեբը, ցույց էր տրված, որ գիտական հիմքից դուրկ այդ ընթերցումը :Ետևանք է հակապատմական մտացածին պնդումների, որոնք հատուկ նպատակներով առաջ են քաշվում և տեղի ու անտեղի թմբկահարվում են որոշ աղբյուրների պատմաբանների կողմից: Վերջերս Մ. Նեյմաթյանը հանդես է եկել նաև առանձին հոդվածով, որտեղ նա ոչ թե փորձում է հիմնավորել իր ընթերցումը, այլ, խեղաթյուրելով սկզբնաղբյուրների տվյալները, վերաշարադրում է վերոհիշյալ պատմաբանների կողմից համառոտ հետապնդվող հակապատմական նույն «տեսակետը», ըստ որի, իբր, Այուենյաց միշտ Աղվանքի մասն է կազմել և մինչև XV դարը բնակեցված է եղել աղվաններով և որը, իբր, հիմք է տալիս Ուռույլ տապանազրեբում որոնելու «աղվան» անունը: Ներկա հոդվածով վերստին համակողմանի, մանրադնին վերլուծության ենթարկելով հիշյալ տապանազրեբը, ցույց է տրված, որ Մ. Նեյմաթյանի «ընթերցումները» մասնագիտական քննության չեն դիմանում, շինծու են ու բռնազրուսիլ և զալիս են մի անդամ ևս հաստատելու, որ պատմական իրողությանը հակասող և ոչ գիտական նպատակներ հետապնդող որոնումները դատապարտված են ձախողման: